

Железная дверь с лязгом захлопнулась и Мари невольно поежилась от этого зловещего звука. Она огляделась — обитель коменданта оказалась большой комнатой обставленной в столь же помпезном стиле, что и весь замок. На стене висел большой плакат с Гитлером, у стены стоял книжный шкаф (Мари разглядела на корешках книг названия «Майн Кампф» и прочей нацистской макулатуры), рядом с окном стояли стол и несколько стульев из гарнитура не моложе восемнадцатого века. На одном из стульев лежала нацистская форма, сложенная со всей немецкой педантичностью.

Сам хозяин, одетый только в черные трусы, небрежно развалился на огромной кровати в центре комнаты. Мари с интересом оглядела мускулистое поджарое тело Курц фон Нойманна, оценив по достоинству широкие плечи и накачанные бицепсы и, несмотря на опасность своего положения, мысленно облизнулась.

— Ты еще одета? — недовольно сказал фон Нойманн.

— Простите, герр комендант, — изображая испуг, Мари принялась стягивать платье. Немец осмотрел ее шоколадные прелести и на его лице расплылась сальная улыбка.

— Иди сюда, — произнес он и Мари сделала несколько шагов вперед.

— Не так, — поморщился Курц фон Нойманн, — много чести для недочеловека идти прямо. Скрипя зубами от унижения, Мари опустилась на четвереньки и поползла вперед, стараясь смотреть в надменные голубые глаза с как можно большим подбострастием. Курц, тем временем, сел на кровати, опустив ноги на пол. Жестом он показал на пах и Мари, подняв руки, начала медленно стаскивать с немца трусы.

Мулатка и раньше была невысокого мнения о мужских достоинствах белых, но сейчас ей пришлось собрать всю силу воли, чтобы не рассмеяться при виде маленького белого червячка, едва выглядывавшего из светлых волос. Она быстро глянула вверх — немец смотрел на нее с таким выражением на лице, что афроамериканка мгновенно поняла, что ее ждет, если она хоть чем-то выдаст свои чувства. Заискивающе улыбнувшись фон Нойманну, мулатка потянулась полными губами к белому отростку. Обернув гибкий язык вокруг маленькой головки, Мари быстро закивала головой, чувствуя, как белый червяк оживает в ее рту. Сверху послышался чуть слышный стон и она усмехнулась про себя — похоже, с такими ласками фон Нойманн встретился впервые. Высвободив руку Мари начала медленно поглаживать яички нациста.

«Ты зря подпустил меня так близко к своим шарикам, ублюдок», — подумала она и, широко раскрыв рот, разом втянула в него мужское хозяйство немца. Ее язык и губы облизывали, обсасывали гениталии, в то время как черные пальцы осторожно поглаживали мускулистые бедра. Мари слышала глухие стоны, чувствовала, как фон Нойманн дрожит, словно стреноженный конь и улыбалась, ощущая себя хозяйкой положения. Жадно заглатывая член, будто желая съесть его целиком, Мари подвела Курца к кульминации.

— О майн Готт, — вскрикнул немец, когда член принялся сокращаться, выбрасывая сперму в рот девушки. Последние капли Мари высосала из мочевого отверстия, словно допивая коктейль из соломинки, после чего открыла рот, показывая жалкую чайную ложку спермы, выплеснувшуюся ей на язык. Заискивающе глядя в замасленные от удовольствия глаза немца, Мари проглотила его семя и снова открыла рот, демонстрируя, что он чист. Курц со

стоном развалился на кровати.

— Для черной сучки ты отменно сосешь, — выдохнул он.

— Мы кое-что сохранили от французов, — подобострастно улыbnулась Мари.

— Я вижу, — усмехнулся Курц, — иди сюда!

Он показал на опавший член и Мари послушно взобралась на кровать. Не успел фон Нойманн опомниться, как она, развернувшись к нему спиной, перекинула ногу через широкую грудь «арийца». Ее напряженные соски коснулись твердого пресса, а губы опять сомкнулись на белом члене. Она сосала жадно причмокивая, облизывая маленькие яички и чувствуя, как под ее губами вновь пробуждается упругая плоть. Однако немец молчал, что заставляло Мари нервничать — она помнила, что ее задница и промежность находятся в нескольких сантиметрах от лица нациста. Не сочтет ли он столь близкое созерцание черной пизды «расовым оскорблением»? В то же время чувство опасности всего происходящего невероятно возбуждало Мари и она чувствовала, как намокает ее влагалище, роняя капли смазки на белую грудь.

Горячий выдох обдул ее киску и Мари ощутила как сильные ладони обхватили ее бедра и жадный язык ворвался в сочную расщелину. Слобно сорвавшаяся с поводка немецкая овчарка, фон Нойманн жадно лизал ее влажную мякоть и сосал клитор. Эти ласки были явно в новинку нацисту, но недостаток опыта он восполнял бесспорным старанием, похоже, забыв, что лижет «самке недочеловека». Мари беззвучно рассмеялась и с удвоенной силой принялась сосать белый член, затвердевший не только от минета, но и от того, что его хозяин возбуждился лижа черную пизду. Мари вращала бедрами, протираясь мокрым влагалищем по лицу нациста и, увлекшись, продвинула бедра чуть дальше, чем следует. С замиранием сердца мулатка почувствовала, как язык немца коснулся ее анального отверстия. Она ждала взрыва негодования, но Курц с не меньшим энтузиазмом ввинтился в тугую дырочку, будто дорвавшись до лакомого блюда. Обезумев от похоти, он целовал упругие шоколадные ягодицы, жадно вылизывая ее промежность от клитора до ануса. Мари тем временем глотала струйки спермы, вырвавшиеся из судорожно сокращавшегося члена.

За всю эту ночь оба кончили по три раза — причем Мари залила своими женскими соками лицо нациста. Под конец Курц все же решил трахнуть ее, поставив раком и войдя сзади. Членом немец работал куда хуже, чем языком, так что Мари понадобился весь ее актерский талант, чтобы изобразить страсть и вожделение. Она сладострастно стонала, столь яростно подмахивая движениям мужских бедер, что Курц вскоре кончил и в полном изнеможении отвалился на кровать. Вялым жестом он велел мулатке убираться. Мари послушно подхватила платье, одеваясь на ходу.

— Если ты кому-нибудь скажешь, — голос фон Нойманна застал ее у самих дверей. Он не закончил, но Мари и так поняла о чем речь — эсэсовцу не хотелось, чтобы его подчиненные знали, что он лизал пизду и задницу негритянке.

— Я не осмелюсь, герр комендант, — сказала Мари, — кто я такая...

— Это точно, — рассмеялся фон Нойманн, — ладно, пошла вон!

— Хорошо, герр комендант, — сказала Мари, выскальзывая за дверь.

— Ха-ха-ха! Так говоришь у него совсем маленький?!

Сигрун сидела на корточках перед больничной койкой, на которой вальяжно развалилась голая Мари. После того как мулатка вернулась от коменданта, датская медсестричка увела ее из палаты в ординаторскую под предлогом медосмотра. Сейчас же она старательно

массировала черные ноги, жадно слушая рассказ Мари о визите к фон Нойманну.

— Ну, расскажи? — приставала Сигрун.

— Он сказал, что если я проговорюсь мне не сдобровать, — усмехнулась Мари, блаженно потягиваясь под умелыми пальцами датчанки, — аааааа, и еще вот здесь, так хорошо...

— Я ведь никому не скажу, — сказала Сигрун, — ну, так какой у него?

Мари усмехнулась и, усевшись на кровати, взяла белую девушку за руку. Развратно улыбаясь прямо в голубые глаза Сигрун, мулатка один за другим загнула тонкие белые пальцы, оставив торчать только средний.

— Такой же тонкий, — медленно произнесла она, — такой же короткий. Такой же белый.

Сигрун прыснула, восторженно глядя на улыбающуюся мулатку. Никогда раньше она бы не осмеливалась разговаривать о коменданте крепости в таком тоне, однако Мари, излучавшая силу и уверенность в себе, передавала это ощущение и Сигрун.

— У черных больше? — игриво спросила она, продолжив массировать ноги мулатке.

— Хочешь посмотреть? — Мари насмешливо посмотрела на Сигрун.

— Нуууу, — протянула Сигрун, пряча взгляд, — мооожет быть...

— Маленькая шлюшка, — рассмеялась мулатка, — испорченная белая девчонка!

Она выпрямилась и, ухватив за плечи блондинку, заставила ее подняться на койку. Врачебный халат упал на пол, обнажая белое тело и Мари тут же засосала розовый, жаждущий ласки сосок. Сигрун застонала, вздрагивая всем телом, когда проворные пальцы мулатки пробрались в ее трепещущую, миглом увлажнившуюся щель. Вскрикивая и кусая губы, Сигрун извивалась всем телом, пока черные пальцы сновали в ее влагилице, заставив белую девушку кончить на руку Мари. — Теперь ты, — Мари откинулась на спину, облизывая пальцы и раздвигая ноги. Обрадованная Сигрун припала к ее розовой раковине, старательно работая языком.

Позже, насладившись друг другом сполна, они лежали в кровати, прижавшись плечом к плечу и Сигрун, прижав губы к уху мулатки, рассказывала все, что знала.

— Утром с нижних этажей увели в подвал десять черных девчонок, — тихо говорила она, — сам Шеффер приходил, отбирал. И Макудаль тоже...

— Хм, — нахмурилась Мари, — они всегда лично отбирают подопытных?

— Нет, — помотала головой Сигрун, — обычно это делает Майер. Шеффер приходит если только они задумали особо крупную мерзость, а Макудаль появился вообще первый раз. Что-то готовится, Мари, что-то очень плохое... и мне страшно, — с всхлипом призналась блондинка, вновь уткнувшись в плечо мулатки.

— Не бойся, маленькая, — Мари успокаивающе погладила ее по голове, — я с тобой.

Сигрун благодарно кивнула и скоро задремала. А Мари не могла заснуть, уставившись в темноту и слушая за окном протяжный волчий вой.

Наутро она снова пришла к фон Нойманну. Немец, как и в прошлый раз, лежал на кровати, презрительно глядя на мулатку. Мари быстро разделась и встала на четвереньки.

— Нет, — немец качнул рукой, — не так. Подойди к столу и встань раком.

Мари послушно сделала, что ей велели. За ее спиной послышались шаги, тяжелые руки легли ей на поясницу, потом опустились ниже, сдавливая пышные ягодицы. Мари инстинктивно прогнулась в талии, прижимаясь грудью к подоконнику и выпятив зад.

Неизвестность и опасность возбуждали ее — она чувствовала, как у нее промокает между ног, а по бедрам стекают струйки влаги.

Мулатка почувствовала жаркое дыхание возле промежности и жадный язык погрузился в ее расщелину. Мари стиснула зубы, задавив готовый сорваться с губ смешок — тебе это так понравилось, наци? Она осторожно начала двигать бедрами, вдавливая зад и промежность в лицо коменданта и чувствовала как он с все возрастающей жадностью лижет ее пизду, с чавканьем глотая женские соки. Временам его язык проникал и между упругих ягодиц Мари, вылизывая отверстие ануса. Мулатка стонала, протирая свои упругие шары по лицу нациста. Ее страшно возбуждала мысль, что «истинный ариец», не считающий ее за человека, отъявленный расист, на коленях лижет ее черную пизду и жопу. Похожие чувства явно обуревали и Нойманна — Мари чувствовала, что его возбуждала именно запретность, «грязь» этого секса. Вцепившись в бедра Мари, немец долбил языком ее киску, словно голодный, дорвавшийся до куска мяса. Мари завела руку за спину и, нащупав голову нациста, еще сильнее вдавила его себе в задницу. Одновременно, протянув назад ногу, она нащупала ступней торчащий нацистский стручок и принялась растирать его. Всего через несколько минут членик немца задергался и излился на ее подошву фонтанчиком спермы. В этот же момент кончила и сама Мари, залив лицо немца своими соками.

Руки фон Нойманна соскользнули с ее бедер и он встал, отходя в угол комнаты, где, как помнила Мари, был умывальник. Послышался шум льющейся воды и мулатка рискнула повернуть голову. Фон Нойманн вытирал лицо, глядя на Мари со смесью ненависти, стыда и похоти. Мари как можно подобострастней улыбнулась, напряженно гадая что будет дальше. Немец сверлил ее тяжелым взглядом, потом, будто решив для себя что-то, жестом указал на свой опавший член. С невольным вздохом облегчения, Мари опустила на колени и поползла к немцу, чтобы взять в губы обмякший стручок. Вылизав дочиста нацистские гениталии, Мари привела его член в боевую готовность, после чего, по приказу эсэсовца, легла грудью на кровать, выпятив зад. Едва сдержала смешок, когда член немца провалился в ее черную щель — это больше напоминало щекотку, чем нормальный секс. Мари стонала, подмахивая и всячески изображая страсть, вздохнув с облегчением, когда, наконец, белый писюн выплеснул в нее струйку спермы. Фон Нойманн со стоном вышел из нее и, пошатываясь, рухнул на кровать.

— Ты черная ведьма, — убежденно сказал он, — на вашем проклятом острове все такие.

— Я лучшая из всех, — позволила себе улыбнуться Мари.

— Ты много о себе думаешь, — нахмурился немец, — не забывайся. Можешь идти.

— Как скажите, герр Нойманн, — кивнула Мари, подхватывая с пола одежду, когда послышался негромкий стук в дверь.

— Герр Нойманн, — послышался женский голос, — можно?

— Минутку Алиса, — немец сделал нетерпеливый жест рукой, приказывая Мари убираться, сам торопливо натягивая китель и застегивая пуговицы, — да, входи.

Мари прижалась к стене, пропуская в комнату высокую блондинку в черном мундире, бросившую на мулатку презрительный взгляд. Выйдя в коридор и убедившись, что рядом никого нет, Мари приникла ухом к замочной скважине.

— Церемония началась, герр комендант, — говорила Алиса, — сегодня ночью американцы недосчитаются еще одного эсминца.

— Это будет уже третий за минувший месяц, клянусь гением фюрера! — рассмеялся фон Нойманн, — неплохо, черт возьми, совсем неплохо. Редкий подводник добивается такого результата — и уж он-то точно не обходится Рейху так дешево.

— Жаль, что таких как Макудаль не поставишь на конвейер, — Мари услышала смешок Алисы, — иначе мы бы уже выиграли эту войну. Хотите посмотреть?

— Нет, — недовольно произнес Нойманн, — ты же знаешь, я не люблю эти дикарские ритуалы. К тому же я устал. Думаю, вы и сами справитесь.

— Можете не сомневаться, штурмбанфюрер, — заверила его немка, — Хайль Гитлер!

— Хайль, Гитлер!

Мари едва успела спрятаться под лестницей, когда дверь в комнату фон Нойманна распахнулась и на пороге появилась Алиса фон Вольфганг. Не оглядываясь, она начала спускаться вниз по лестнице. Мари осторожно двинулась следом.

Поспевать за немкой оказалось нелегко — она шла быстрым шагом, не обращая внимания ни на кого, в то время как Мари приходилось то и дело прятаться от выходящих из разных коридоров немцев. Вскоре лестницы кончились — теперь немка и крадущаяся за ней мулатка шли по извилистым коридорам, освещаемым тусклыми лампочками, мигавшими на потолке. Где-то капала вода, раздавался писк летучих мышей и Мари поняла, что они спускаются в легендарные подземелья крепости, где король Анри-Кристоф самолично расправлялся со своими врагами. Старинные пыточные нацисты приспособили для своих нужд.

Алиса шла быстро, видимо, хорошо зная дорогу, так что немудрено, что Мари, которой приходилось держаться на расстоянии, в конце концов потеряла ее. На мгновение ее обуяла паника, когда она подумала, что заблудилась, но, преодолев страх, мулатка решила идти дальше. Проплутав с полчаса или с час, черная девушка увидела впереди светящийся прямоугольник, а чуть позже до ее слуха донеслись громкие стоны, чей-то жестокий смех и рокот барабанов. Осторожно Мари подошла к приоткрытой двери и заглянула в щель между дверью и дверным косяком.

Мари, несмотря на молодость, видела столько жестокостей на своем веку, что иному хватило бы и на десять жизней. Однако и ее впечатлило открывшееся ее глазам зрелище. Комната, за дверью была достаточно большой, дальние ее стены терялись во мраке. Во время основания крепости, здесь, судя по всему, находилась темница или пыточная — об этом свидетельствовали тянущиеся вдоль стен массивные скобы, из которых кое где свисали обрывки ржавых цепей. Однако сейчас крепостные застенки поменяли свое назначение, превратившись в некую смесь медицинской лаборатории и святилища вуду. Отблеск пламени газовой горелки играл на пузатых боках различных склянок, в которых пузырилась полупрозрачная слизь. Тут же на медицинских столах возвышались огромные банки, где плавали в формалине куски тел — человеческих и животных. И рядом, резким контрастом — африканские и карибские маски злых духов, иконы богов вуду, колдовские знаки, начерченные на полу и стенах. Резкий запах благовоний, дымящихся в огромных курильницах, смешивался с вонью медицинских препаратов в совершенно тошнотворный смрад. Откуда-то шло негромкое, но хорошо различимое гудение какого-то механизма. По бокам стеклянного шкафа, прислонившись к стене, стояли Карл Шеффер и Алиса фон Вольфганг. Глаза обоих лихорадочно поблескивали, блондинка похотливо облизывала красные губы, в то время как доктор, сунув руку в карман халата, тербил свой орган.

Оба смотрели на пол комнаты, где лежал скованный цепями черный великан. Почему-то Мари сразу подумала, что узник высокого роста, хотя не видела ни его лица, ни большей части тела — только длинные мускулистые ноги, мощные бедра и здоровенный член. Который, впрочем, Мари тоже видела урывками — большая часть этого органа с чавкающим

звучком погружалась в хлюпающее влагалище черной девушки, оседлавшей огромного негра. С искусанных в кровь губ срывались стоны, слышанные Мари еще в коридоре, острые ногти терзали холмики молодых грудей, крепкие шоколадные бедра, раз за разом приподнимались и опускались на могучем стволе. В свете огней было видно, как огромный хуй блестит от влагалищных соков, растекавшихся лужицами меж бедер черного гиганта. Мари показалось, что иные потеки поблескивали красным. Широко распахнутые глаза гаитянки были пустыми, без единого проблеска мысли, — покрытые красными прожилками бельма, с закатившимися зрачками. Она продолжала скакать на огромном члене, несмотря на то, что он рвал мягкие ткани ее влагалища, раз за разом окропляя пол смесью из женских соков и крови девушки. Сам же черный гигант, похоже, мучился еще больше, не в силах извергнуть ни капли семени — огромные, распухшие словно кокосы, яйца перетягивал красный ремешок. Приглядевшись, Мари заметила на нем выгравированные черным нацистские руны. В мошонку и с внутренней стороне бедра вонзалось множество игл, от которых отходили многочисленные капельницы, с переливавшейся в них мутной жидкостью.

На полу рядом с черным исполином валялось еще несколько негритянок — то ли мертвых, то ли без сознания. Их черную кожу покрывала кровь и слизь, блестящая в свете огней, в закатившихся глазах не было видно ни малейшего признака жизни. А в дальнем конце зала таилась еще одна черная фигура, почти полностью скрытая пляшущими тенями. Тварь в еще большее неистовство. С мерзким шипением монстр пронзал огромным членом несчастную жертву и вскоре все остальные последовали его примеру, без всякой жалости терзая полумертвых негритянок. Мари сообразила, что число чудовищ было не случайно равно числу девушек, что таким похабным образом приносились в жертву Дамбаллаху. Чешуйчатые пенисы со смачным чавканьем входили во влагалища измученных негритянок, в то время как змееголовые демоны с злобным шипением кусали их плечи и груди. Гаитянки не издавали ни звука, видно все еще находясь без сознания или и вовсе умерев от непрерывных издевательств. Единственные звуки, которые раздавались сейчас в комнате — песнопения черного колдуна и оглушительное шипение чудовищ. От стены послышался сдавленный стон и Мари, бросив туда взгляд, увидела, что Алиса, отчаянно трет себя между ног, извиваясь всем телом и кусая губы. Карл Шеффер, горящими глазами уставившись на эту безобразную сцен, тоже тербил свой хлипкий белый отросток, едва выглядывавший из сжатого кулака. Глаза обоих сейчас сочились извращенной похотью и Мари наблюдавшая, почувствовала, как ее накрывает волна ненависти к этим нелюдям. Это все нужно было прекратить.

Меж тем одна из тварей, одурев от запаха крови, с злобным шипением вгрызлась в тело гаитянки. Та, оказывается, была еще жива: громкий крик сорвался с искусанных губ, став сигналом для остальных чудовищ. Полные боли и ужаса крики, разносились по комнате, пока змееголовые демоны разрывали девушек на части, жадно пожирая куски кровоточащего мяса. Макудаль, отшвырнув барабан, шагнул вперед, что-то громко выкрикнул на непонятном Мари языке и в этот миг твари чудовищно выросли, казалось, заполонив собой всю комнату. За их спинами поднялись огромные перепончатые крылья, и монстры взмыли вверх, пройдя сквозь каменный потолок как сквозь воду и покинув залитую кровью комнату. Макудаль оглянулся, выходя из круга черепов и подходя к лежащему без сознания Сэму Роджерсу. Тот лежал спокойно, грудь его чуть заметно вздымалась, глаза были закрыты. Только могучий член, пусть и значительно уменьшившись, по-прежнему гордо вздымался вверх. Карл Шеффер, брезгливо сторонясь разбросанных по полу кусков окровавленной плоти,

подошел к бесчувственному негру и присел на корточки, вынимая иглы и осторожно сматывая опустевшие капельницы. Мари сообразила, что больше не слышит гудения машины — видно Шеффер незаметно отключил ее.

Черный шаман простер руку над бесчувственным телом и что-то прошептал. При этом его промежность, как бы случайно оказалась на уровне лица Шеффера. Смазливое лицо доктора озарилось хитрой улыбкой.

— Тебе наверное тоже нелегко было смотреть, как он трахает этих сучек, — кивнул он Роджерса, — позволь я помогу тебе снять напряжение.

У Мари глаза полезли на лоб, когда доктор, не дожидаясь разрешения, потянулся руками к набедренной повязке, из под которой уже вздымался, пусть не столь чудовищный, как у Роджерса, но все равно громадный черный ствол. Макудаль молчал, но в его глазах устремленных на Шеффера мелькнуло пренебрежение. Запустив свою лапищу в светлые волосы, он с силой надавил на голову доктора, сладострастно облизывающего похожую на черный шар головку. Могучий черный член растянул губы Шеффера, раздвинув его рот до предела, по подбородку немца сбегала слюна, изо рта вырывалось невнятное мычание, пока негр размашисто вгонял в него свой член по самые яйца. Несмотря на весь происходящий недавно кошмар, Мари все же не удержалась от ехидной улыбки, глядя как очередного, не последнего в этом аду нациста, грубо, как портовую шлюху, имеет в рот огромный, черный как смоль, негр. Мари подумала, что по нацистским законам Шеффер дважды заслужил газовую камеру в Бухенвальде — «за расовое преступление» и за «дегенеративные пристрастия». Здесь же, где любой толковый медик был на вес золота Карл мог дать волю этим самым пристрастиям, хотя без сомнения, сильно страдал от самого факта их наличия. Мари читала его лицо словно открытую книгу — на нем проглядывалось все то же сочетание похоти и жгучей вины, как и на лице Нойманна и Эльзы и других расистов встречавшихся Мари, искренне уверенных в неполноценности негров и в то же время испытывающих острое сексуальное влечение к чернокожим.

Наконец, сжав голову Шеффера огромными лапами, Макудаль издал бычий рев и, вынув член, залил лицо кашляющего немца потоком спермы. Мари посмотрела на Алису — та, усевшись на медицинском столе, закончила мастурбировать и теперь с сытой улыбкой осматривала остальных.

— Может и у него снимешь напряжение? — спросила она, поднимающегося с пола и вытирающего сперму с губ Шеффера, указывая на Роджерса.

— Сама не хочешь? — огрызнулся доктор, утирая лицо рукавом.

— Я не сплю с черными, — презрительно бросила Алиса и Мари поняла, что доктор и Алиса не ладят между собой.

— Попробуй, не пожалеешь, — это были первые обычные слова Макудаля и Мари вновь подумала, что уже где-то видела колдуна. Она вгляделась в его лицо, но белый грим скрадывал черты, не давая рассмотреть негра как следует. Что она поняла сразу — так это то, что он не местный, в его словах явно проскальзывал американский акцент.

— Спасибо, обойдусь, — совсем по-звериному фыркнула Алиса, — я еще помню, как он реагирует на белых женщин. Или ты забыл о гениальном опыте нашего доктора?

— Одна неудача еще ни о чем не говорит, — парировал Шеффер, — просто выбрали негодный материал. С тобой будет все иначе, ты не эта американская дурочка, ты — Бестия.

— Белая волчица против Черной Змеи, — хмыкнул Макудаль, — я бы посмотрел кто кого.

— Сначала я потренируюсь на вас, — Алиса оскалилась, — хватит нести чушь. Лучше скажите, на этих ящериц можно рассчитывать? Не мало ли десять тварей на целый эсминец?

— Не мало, — блеснул белыми зубами Макудаль, — они растут с каждой съеденной жертвой, а пули и снаряды им не страшны. Через несколько часов все будет кончено.

— Хорошо если так, — кивнула Алиса, — а то фон Нойманн уже нервничает. Что-то в последнее время американские корабли зачастили к Гаити.

— Остров хранит Дамбалла, — произнес Макудаль, — пока его сон царит над Гаити, чужак не высадится тут.

— Сон, — рассмеялась Алиса, — скорей вечный кошмар. Ты не думал, Макудаль, что твой бог сделает с тобой, когда проснется? Вряд ли Черному Змею понравится, как ты используешь его в своих целях. И, — она кивнула на валявшиеся на полу черепа, — думаешь, ему понравится, что ты зарезал десять его слуг?

— Их души придают мне силы, — резко ответил негр, — и я могу потягаться с Дамбаллахом.

— Уверен? — ощерилась немка.

— Если Дамбаллах пробудится, не поздоровится никому, — сказал Шеффер, — но этого не произойдет никогда. Его сковывает не только колдовство Макудаля, но и мои лекарства. Не хочешь же ты сказать, что магия негритянского божка сильнее арийской науки?

— Предпочитаю арийское колдовство, — вновь оскалилась Алиса. Мари показалось, что ее зубы стали больше и острее, впрочем, вся немка как-то неуловимо менялась: светлые волосы прибрели грязно-серый оттенок, уши заострились, глаза заблестели желтым.

— Что-то тут грязно, — она осмотрела валявшиеся на полу куски человеческой плоти, — эти твари жрут так неаккуратно. Надо бы прибраться.

— Не желаю этого видеть, — передернул плечами Шеффер, — пойдем Макудаль. Мне кажется, что это колдовство тебя сильно вымотало, а у меня есть отличная целебная мазь расслабляющая мышцы. И тебе нужен массаж, — он нежно коснулся черной руки.

— Как скажешь, Карл, — ослабилась Макудаль, — может мне и вправду пора отдохнуть. Только забери это, — он снял со стола большой кожаный мешок и осторожно сложил в него черепа и свечи, предварительно затушив их пальцами. Следом отправился и барабан.

Мари едва успела забиться в темный угол, когда дверь распахнулась. Мулатка поспешно произнесла заклятие незаметности, хотя понимала, что если боккор что-то заподозрит, то легко разрушит ее чары. Что будет потом с ней, не хотелось и думать — выросшая в Новом Орлеане Мари хорошо знала, сколь чудовищной силой может обладать боккор, пленивший души десяти служителей вуду. Теперь ей стало ясно, зачем в замок свозили колдунов и ужаснулась их страшной участи. В какой-то момент тусклый свет мерцавшей лампочки упал на лицо черного колдуна и Мари сжала зубы, задавив изумленный выдох. Она действительно знала этого человека, хотя прошло десять лет с тех пор, как его последний раз видели в Луизиане. Это был боккор Макс Робер, ученик и соратник колдуна Филлипа Сюреля, погибшего страшной смертью на болотах в дельте Миссисипи. Мулатка знала, что именно ее Макс винит в смерти своего учителя. Мари сжалась в комочек в углу, стараясь не дышать пока странная пара не исчезла за поворотом. Только дождавшись, когда голоса и шаги стихнут в отдалении, она осмелилась вновь подойти к дверям лаборатории.

Она не сразу поняла, что существо внутри комнаты — все та же Алиса фон Нойманн, нацистка и германская аристократка. Сейчас на полу сидела голая клыкастая тварь, с острыми, подергивающимися ушами и с гривой серых волос, чуть ли не до поясницы.

Впрочем, превращение было далеко от завершения и пока немка еще походила на человека, по крайней мере, телом. Что же до души, то, глядя с каким жадным рычанием Алиса глодает оторванную девичью руку, Мари усомнилась есть ли она у нее вообще. На лице Мари заиграли желваки и, уже не совсем отдавая отчета в своих действиях, она толкнула дверь. Алиса была так увлечена своим занятием, что заметила мулатку только когда она оказалась рядом.

— Ты? — прорычала она, размазывая по лицу кровь, — что ты тут делаешь?

— Решила поучаствовать в вашем веселье, — усмехнулась Мари. В следующий момент белозубую улыбку заслонила босая черная ступня, летевшая в лицо Алисы, немка почувствовала страшный удар в подбородок и все заволочло тьмой.

Мари встала над поверженной Алисой — в этот прием капоэйры она вложила все свои силы и сейчас с облегчением смотрела, как блондинке медленно возвращается человеческий облик. Мулатка даже встревожилась, не убила ли она нацистку, но вскоре заметила, как роскошная грудь немки чуть заметно приподнимается. Следовало обеспокоиться тем, чтобы обезопасить себя, когда оборотень придет в себя. Пошарив по полкам шкафа, Мари нашла моток длинной веревки, а также набор острых как бритва скальпелей. Отрезая длинные шнуры, Мари сначала накрепко связала руки немки, потом затянула узел на ее ступнях и, наконец, длинным шнуром соединила руки и ноги нацистки на уровне поясицы. Перевернув Алису на спину, мулатка полюбовалась на свою работу: связанная по рукам и ногам обнаженная блондинка выгнулась дугой, словно отдавая Мари выставленные напоказ полные груди и выпирающий бритый лобок.

— Такой ты мне нравишься куда больше, чем в своей дурацкой форме, — усмехнулась Мари и с силой хлопнула немку по лобку, — ну, просыпайся! — следующий удар пришелся уже по щеке, — просыпайся сука!

После третьей пощечины веки Алисы задрожали и она открыла глаза. Минуту она ошарашено оглядывалась по сторонам, потом перевела взгляд на улыбающуюся Мари и ее лицо перекосило от ненависти. Она дернулась, пытаясь встать и тут же охнула от боли в вывернутых суставах.

— Развяжи меня! — взывала Алиса, дергаясь в путах, — черномазая сука, ты пожалеешь... — Алиса замолчала, когда Мари хлестнула ее по промежности обрезком веревки.

— У меня нет времени слушать твои угрозы, — усмехнулась мулатка, — поверь, я и так знаю, что мне могут сказать такие как ты... — в подтверждение своих слов она еще раз хлестнула немку, — теперь ты будешь слушать, а я буду спрашивать. И рот ты сможешь открывать только после моих вопросов...

— Черта с два я тебе что-то скажу, — выкрикнула Алиса и вновь получила удар по промежности, потом второй — уже по грудям, потом третий. Без всякой жалости Мари охаживала Алису импровизированной плеткой, вкладывая все силы.

— Ну так что, будем говорить? — спросила Мари, начиная раздражаться.

Алиса ответила непристойной бранью и мулатка поняла, что допрос может продлиться долго. Она посмотрела на скальпели — может если резать нацистку по кусочкам, она заговорит быстрее? Мари уже была готова к этому, забыв о предписаниях Эрзули, но она сомневалась в эффективности пыток — в глазах Алисы полыхал фанатичный блеск и лютое презрение к «недочеловеку». Похоже, немка готова скорей истечь кровью на полу, нежели подчиниться чернокожей. Тут требовался иной подход.

— Отдохни пока, — Мари подобрала с пола трусы Алисы, которые та сбросила в момент превращения вместе с остальной одеждой, и, скатав их в комок, засунула в рот блондинки обвязав обрывком веревки. Не обращая внимания на протестующее мычание, Мари подошла к медицинским столам и шкафам. Ее взор упал на непонятный механизм мигающий маленькими лампочками, с множеством кнопок и переключателей. Посреди машины крепилось нечто вроде большого флакона из толстого прозрачного стекла, почти пустого. От него отходили раструбы для крепления капельниц, которые, свернутые аккуратными рулонами, Мари нашла в одной из соседних тумбочек, рядом с упаковками полых игл. Мулатка отвернула крышку флакона и осторожно принялась. В ноздри ударил специфический мускусный запах, от которого у Мари закружилась голова, а по телу распространилась истома, отозвавшаяся знакомым томлением в чреслах.

— Кажется, я знаю, что заставит тебя говорить, — усмехнулась колдунья, оглянувшись на связанную блондинку и с удовлетворением увидев мелькнувшую в ее глазах тревогу. Мари проверила несколько склянок с разными жидкостями, стоящими на полках, и быстро нашла нужное зелье — специфический запах нельзя было спутать ни с чем. Наполнив до отказа флакон Мари размотала капельницы, надела иглы и, прикрепив их к «адской машине», подошла к задержавшейся в своих путах Алисе. Мычание стало еще громче, когда мулатка с садистской усмешкой ввела иглу под кожу блондинки, рядом с налитыми кровью половыми губами.

— Тихо-тихо, моя дорогая, — увещевала Мари дергавшуюся блондинку, — где твоя нордическая выдержка? Подумай, на что будет похожа твоя девочка, если у меня дрогнет рука, — добавила Мари, вонзая иглу в самый верх напрягшегося клитора.

Угроза подействовала — Алиса больше не пыталась вырваться, только вздрагивала, когда в ее плоть вонзались новые иглы. Большая часть их пришлась на половые губы, клитор и внутреннюю сторону бедер, однако с десятков игл Мари вонзила и в груди, поближе к напрягшимся соскам. Закончив с этим, Мари улыбнулась Алисе, подошла к машине и щелкнула рычагом, который, судя по пояснительной надписи, включал агрегат. Заурчал мотор, жидкость в флаконе взбурлила и устремила по капельницам в тело немки.

— Ну что, теперь поговорим? — Мари присела рядом на корточки. Алиса что-то промычала сквозь зубы, помотав головой. Лицо ее покраснелось, через ноздри со свистом вырывался воздух. Мулатка, похотливо улыбаясь, провела рукой по груди и плоскому животу нацистки, любясь контрастом черных пальцев на белой коже. Она с удовлетворением заметила, что груди немки разбухли, также как и затвердевшие соски, а половые губы разошлись, обнажая истекающую соком розовую раковину.

— Ну, будешь говорить? — спросила Мари Алису, выдернув кляп у нее изо рта.

— Да... пош... ла... ты... , — едва выдохнула немка, — чер... ная... сук... аааа...

Мари одобрительно хмыкнула перед лицом такой стойкости — даже мучаясь от неудовлетворенной похоти, немка держалась. Мулатка подошла к машине внимательно осмотрела ее, пытаясь разгадать другие функции механизма. Внимание ее привлек небольшой переключатель с делениями. Рядом с ним красовалось изображение черепа с костями и знак молнии. Мари усмехнулась и щелкнула на несколько делений вперед..

— Оооууу, — послышался дикий вой и тело немки изогнулось дугой. Мулатка усмехнулась и поставила выключатель сначала на «ноль», а потом вдруг резко переставив его на несколько делений вперед, наслаждаясь воем Алисы.

— А теперь будешь говорить? — сказала она, щелкая переключателем.

— Да, — выкрикнула Алиса, — да, будь ты проклята! Спрашивай!

— Повежливей, сучка! — Мари еще раз щелкнула выключателем и с удовольствием посмотрела как вновь выгнулось белое тело, — начнем с того, кто ты такая?

— Ты ведь знаешь кто! — выкрикнула немка, — Алиса фон Вольфганг, оберштурмфюрер СС.

— Врешь, — лениво произнесла Мари, — думаешь, я не знаю, что женщинам не дают званий ни в вермахте, ни в СС?

— На выпускников Вольфенштайна это не распространяется, — выдохнула Алиса, — ооооох, выключи эту штуку! Выключи, я не могу больше...

— Потерпишь, — жестко сказала Мари, — что за Вольфенштайн?

— Программа «Вервооольф», — выдохнула Мари, — сверхсекретный проект общества «Туле», напрааавленный на пробуждение магических способностей германской рааасы. Я была числе первых ста добровоольцев, кто согласился на участие. Результат ты видишь...

— Впечатляет, — кивнула Мари, уменьшив напряжение — а здесь тоже сверхсекретный проект?

— Да! «Тотеншланген», «Змей смерти».

— Вы вышли на Макса или он на вас? — продолжала спрашивать Мари.

— О... он, — выдохнула Алиса, — как-то вышел на общество Туле, пообещав, что если мы поможем ему захватить боккоров, то он превратит Гаити в германскую крепость на Карибах, недоступную союзникам. Мы ему помогли, а он помог нам...

— Он управляет Дамбаллахом, — спросила Мари, — как?

— Я не знааааюуюю, — взвыла Алиса, — я не вникаю в ваши негритянские штучки. Что-то вроде того, что если носитель тела в трансе, то и бог, который вселяется в его тело оказывается спящим и видящим сны... вернее кошмары. А чтобы эти кошмары обрели плоть, нужна жертва плотью... молодой плотью черных девушек.

— А почему не белых? — спросила Мари, еще раз щелкнув переключателем.

— Один раз... мы попробовали, — выдохнула Алиса, — американка... мы ее выкрали с Пуэрто-Рико. Но обряд... зашел слишком далеко и он... чуть не освободился...

— Как его разбудить сейчас? — спросила Мари, посмотрев на неподвижного Роджерса.

— Повязка... руны на яйцах... сковывают Дамбаллу.

— Как ее снять? — процедила Мари.

— Простоними, — сказала немка, — развяжи и он проснется.

— А вот сейчас ты врешь, сучка, — рассмеялась Мари, — ну тогда получай!

Она крутанула переключатель и Алиса заорала, вновь выгнувшись дугой. Удары электрического тока смешивались с разгоравшейся все сильнее похотью, сводя с ума немку. Однако Мари пока не собиралась убивать ее — дождавшись пока большая часть феромонной жидкости вольется в тело Алисы, мулатка выключила машину и, выдернув иглы с капельницами, развязала нацистку, рывком поставив ее на ноги. Алиса не сопротивлялась — полуживую от постоянных ударов током, на ногах ее держало только неудовлетворенное сексуальное желание. Груды ее разбухли чуть ли не вдвое, соски торчали как наконечники копий, между ног лилось как из ведра. Сейчас это был не человек, а зомби, движимый не разумом, а исключительно слепой, животной похотью.

Мари ухватив немку за волосы, протащила ее по полу и, заставив раздвинуть ноги, с размаху насадила на торчащий член Роджерса. Алиса, простонав от похоти, принялась двигать

бедрами, насаживаясь на мощный черный ствол. Она уже не думала о возможной опасности, о пробуждении Дамбаллаха, о том, что трахаться с черным это «расовое преступление» — все что она хотела сейчас, это чтобы в ее разгоряченную пизду наконец вошел большой крепкий член. Словно замороженная Мари смотрела, как огромный черный поршень ходит в белом влагалище, словно могучий таран, взламывающий стены вражеской крепости. Да так оно и было — на ее глазах надменная расистская сучка превращалась в рабыню черного хуя. Немка стонала, лаская свои груди и скача на негре, как иступленная, не замечая как под ее ягодицами потихоньку поднимается черный дымок и черные руны на алой ленте бледнеют и выцветают, как с громким звоном лопаются цепи, сковавшие руки и ноги Роджерса.

— Ааааа, — проорала немка, когда ленточка с рунами вспыхнула и исчезла, высвобождая стянутые яйца негра. Долго сдерживаемый поток спермы ударил Алису в матку с такой силой, что ее буквально сорвало с хуя Роджерса. Мари обалдело наблюдала, как мелькнули в воздухе белые ноги и нацистка, сделав живописную дугу, грохнулась об дверь лаборатории. Запустив руку между ног, Алиса вычерпывала комки спермы и отправляла их в похотливый рот. Новый поток негритянской спермы ударил немку в лицо, опрокинув на спину, а следующие мощные струи буквально вымыли ее в коридор.

— Ни хрена себе, — только и сумела произнести Мари, изумленно разглядывая белую реку, вытекшую из черного хуя, — интересно, где оно все помещалось?

Позади послышался слабый стон и Мари резко обернулась, готовая встретить новую опасность. Однако это всего лишь Сэм Роджерс — опираясь на локти, он ошеломленно осматривал лабораторию, словно видел все окружающее в первый раз. Впрочем, Мари тут же поняла, что так оно и было и не могла сдержать облегченного вздоха — что бы не владело его телом прежде, сейчас это был тот Сэм, которого она знала.

— Мари, — взгляд негра сфокусировался на ней, — вот это встреча! А где мы?

— Майами-Бич, отель Плаза, — несмотря на серьезность момента, Мари не удержалась от шутки, — тебе что, совсем память отшибло? Имя свое помнишь?

— Сэм, — неуверенно сказал Роджерс, — вроде бы...

— Уже хорошо, — фыркнула мулатка, — ну, вспоминай дальше!

— Меня сцапали в Порт-о-Пренсе, — сказал Роджерс, — двое немцев и здоровый ниггер, с бритой башкой, вломились на конспиративную квартиру, где я встречался с нашим агентом. Его убили при задержании, а меня вывели на улицу и запихнули в какой-то катафалк на колесах. Немцы меня держали, а ниггер силой влил мне в рот какую-то отраву... и больше я ничего не помню...

Мари подавила досадный вздох, про себя поклявшись вытряхнуть дух из Робинсона, если они когда-нибудь вернутся в Америку. Он должен был догадаться, что Роджерс окажется здесь беспомощным младенцем — уроженец Гарлема, он понятия не имел чем живет Гаити, не знал о силе вуду. Неудивительно, что Макс-«Макудаль» так легко сцапал его...

— Погоди, — негр изумленно осматривал огромную белую лужу на полу, — это что... я? — он посмотрел на свой обмякший, но все равно большой член, из которого еще капала сперма.

— Может и хорошо, что ты ничего не помнишь, — хмыкнула Мари, — разберемся. Сейчас надо думать, как выбраться отсюда, — мулатка лихорадочно оглядывала лабораторию.

— Мне кажется, я видел сон, — неуверенно сказал Роджерс, — странный такой сон. Я был силен, могуч, страшен, как даже не знаю кто... бог или дьявол, не знаю. Я не помню, что я делал в этом сне, но почему-то мне страшно от одной мысли об этом...

— Лучше не думай об этом, — произнесла мулатка, по спине которой пробежали холодные мурашки, — думай, как отсюда выбраться. Хотя... ты ведь даже не знаешь где ты...

— Не знаю, — Роджерс огляделся по сторонам, — но мне тут очень не нравится.

Мари кивнула, продолжая оглядывать помещение. Взгляд ее упал на небольшой люк, у дальней стены. Массивная крышка из нержавеющей стали была слегка приоткрыта...

— Интересно, что там? — вслух произнесла мулатка.

— Эй, Мари, — окликнул ее Роджерс.

— погоди, — передернула плечами девушка, — я думаю, как отсюда выбраться.

— Похоже, она не выпустит нас, — ответил Сэм и Мари почувствовала, как его голос дрожит. словно в подтверждение его слов, сзади послышалось злобное рычание. Мари обернулась и выругалась — в дверях стояла оцетинившаяся волчица, скалившая окровавленные клыки. Мари встретилась взглядом с полными ненависти ярко-синими глазами и тут оборотень с душераздирающим воем кинулся на людей.